

США и конституционный переворот 1993 года в России

На Западе... слишком многие до сих пор испытывают угрызения совести и, пребывая в молчании, ждут не дождутся, когда время сначала затушет, а затем и полностью изгладит из памяти ельцинское десятилетие, лишь бы им не предъявили счет за многочисленные льстивые речи и манипуляцию данными. Опасаются неприятных последствий.

А. Рубби

«Мы поддерживаем демократию и реформы,
и Ельцин — лидер движения реформ»
(Брифинг в Белом доме 21.03.1993)

Недавно прошедший юбилей Конституции РФ дает повод взглянуть на некоторые не всегда известные современникам обстоятельства принятия Основного закона страны и на предшествующие ему события осени 1993 года. Стенограммы выступлений американских законодателей, публикации в ведущих заокеанских СМИ того времени и вышедшие за последние годы мемуары политических деятелей США позволяют составить более полную и объективную картину об отношении «вашингтонского обкома» к ключевому событию конституционного процесса 1993 года: государственному перевороту и расстрелу российского парламента¹.

ДОМРИН Александр Николаевич — профессор факультета права НИУ ВШЭ, доктор юридических наук.

¹ См., например: **Bush G. H. W.** All the Best, George Bush: My Life in Letters and Other Writings. N. Y., L., etc.: Scribner, 2000; **Albright M.** Madam Secretary: A Memoir. Miramax, 2003; **Albright M., Woodward B.** Memo to the President Elect: How We Can Restore America's Reputation and Leadership. N. Y.: Harper, 2008; **Albright M.** The Mighty and the Almighty: Reflections on America, God, and World Affairs. N. Y.: Harper Perennial, 2007; **Christopher W.** Chances of a Lifetime. N. Y., L., etc.: Scribner, 2001. См. также: **Mendelson S. E.** Western Assistance and the Development of Parties and Elections in Russia // Democracy and Rule of Law Project, Carnegie Endowment for International Peace, Fall 1999. Wash., 2000; **Bjorkman T.** Russia's Road to Deeper Democracy. Wash. (D.C.): Brookings Institution Press, 2003; **Colton T., McFaul M.** Popular Choice and Managed Democracy: The Russian Elections of 1999 and 2000. Wash. (D.C.): Brookings Institution Press, 2003; **Goldgeier J. M., McFaul M.** Power and Purpose. U.S. Policy toward Russia after the Cold War. Wash. (D.C.): Brookings Institution Press, 2003; **Lippman T. W.** Madeleine Albright and the New American Diplomacy. Boulder (CO): Westview Press, 2000; **Cohen S.** Failed Crusade: America and the Tragedy of Post-Communist Russia. N. Y.: W. W. Norton & Co., 2001; **Redaway P., Glinsky D.** The Tragedy of Russia's Reforms: Market Bolshevism Against Democracy. Wash. (D.C.): U.S. Institute of Peace, 2001; **Marsden L.** Lessons from Russia: Clinton And Us Democracy Promotion. Farnham: Ashgen Publ., 2005.

Ключевые слова: современная история России, конституционный переворот 1993 года, президент Ельцин, Верховный Совет РСФСР, «демократические реформы» в России, российско-американские отношения, администрация США, Б. Клинтон, С. Тэлботт, распад СССР.

Представляется весьма символичным, что президент РФ Б. Н. Ельцин предпринял первую открытую попытку государственного переворота ровно через два месяца после инаугурации и вступления в должность Билла Клинтона — 20 марта 1993 года. Появление Ельцина на российском телевидении (также ретранслированное на американском канале CNN) с указом об «особом порядке управления страной» (ОПУС), предполагавшим роспуск Съезда народных депутатов и Верховного Совета РФ, спичрайтер президента Клинтона Джордж Стефанопулос (1993—1996) называет в своих мемуарах «первым реальным кризисом» для новой американской администрации. Срочно вызванные Клинтон в Овальный кабинет Белого дома советник президента по национальной безопасности Энтони Лэйк и его заместитель Сэнди Бергер, госсекретарь США Уоррен Кристофер, посол по особым поручениям и специальный советник госсекретаря по связям с бывшими республиками СССР (впоследствии заместитель госсекретаря и основной архитектор отношений с Россией) Строуб Тэлботт и спичрайтер Стефанопулос столкнулись с необходимостью впервые сформулировать официальную позицию руководства США в отношении драматически разворачивавшегося конфликта между ветвями власти в России.

Перед Клинтон и его командой стояла дилемма, от решения которой во многом зависело дальнейшее развитие не только российско-американских отношений, но и сугубо внутренних событий в России. Возобладала следующая точка зрения: «может быть, Ельцин действовал вне рамок новой конституции (Стефанопулос ошибается: до принятия “новой” конституции в России оставалось еще девять месяцев. — А. Д.), но казалось, что он делает это во имя демократических реформ». Приятель Клинтона по стажировке в Оксфорде в 1969—1970 годах Строуб Тэлботт (впоследствии корреспондент и глава вашингтонского отделения журнала «Тайм», получивший известность благодаря переводу мемуаров Н. С. Хрущева), «настоял» на том, что «Ельцин был единственной лошадью реформаторских сил» в России.

Результатом совещания стала следующая уродливая формула, официально озвученная Стефанопулосом на брифинге 21 марта 1993 года: «Мы поддерживаем демократию и реформы, и Ельцин — лидер движения реформ»². Иными словами, нет бога, кроме «движения реформ», и Ельцин — пророк его. Тем самым администрация США полностью солидаризировалась с Ельциным и дала ему санкцию на государственный переворот. Не получилось в марте — получится через полгода³.

² **Stephanopoulos G.** All Too Human. A Political Education. Boston, N. Y., L.: Little, Brown and Company, 1999. P. 138.

³ К аналогичному выводу в своей публикации в «Washington Post» от 10 октября 1993 года пришел Стивен Коэн: «Первую попытку прикрыть парламент Ельцин предпринял не без участия США еще 20 марта и в следующие полгода до 21 сентября не раз давал понять, что намерен сделать это снова» (Коэн С. Провал крестового похода. США и трагедия посткоммунистической России. М.: АИРО-XX, 2001. С. 137).

«Противостояние в Москве: США поддерживают действия российского лидера по преодолению кризиса»
(«Нью-Йорк таймс». 22.09.1993)

Переворот 1993 года и расстрел Верховного Совета РФ широко освещались американскими СМИ. В период с 22 сентября по 5 октября только в газете «Нью-Йорк таймс» вышло порядка полусотни статей и материалов, объемом от 600 до 2500 слов каждый. Примерно столько же публикаций было посвящено событиям в России во всех других ведущих печатных СМИ. Так, если 22 сентября газета американских деловых кругов «Уолл-стрит джорнэл» напечатала всего одну статью о происходящем в Москве, то на следующий день их было уже шесть.

Первая же статья в «Нью-Йорк таймс», вышедшая 22 сентября 1993 года, «Противостояние в Москве: США поддерживают действия российского лидера по преодолению кризиса»⁴, содержит деталь, не совпадающую с сформулированной впоследствии (и в частности, отраженной в мемуарах Строба Тэлботта⁵) официальной картиной событий. По сообщению репортера газеты Элейн Сциолино, ссылающейся на заявление тогдашнего государственного секретаря США Уоррена Кристофера, об указе № 1400 в Белом доме узнали не из новостей, а «за час до» ельцинского выступления по телевидению 21 сентября 1993 года. Жители России еще были в полном неведении относительно того, что они услышат с телеэкранов в 20.00, а российский МИД уже услужливо сообщил эту информацию послу США в Москве Томасу Пикерингу, а также послам Великобритании, Франции, Германии, Италии, Канады и Японии (послы других держав, в том числе стран СНГ, такой чести не удостоились).

Сразу после 17-минутного телефонного разговора с Ельциным, состоявшегося через 20 минут после ельцинского выступления по телевидению, Клинтон сделал официальное заявление о том, что он «полностью» поддерживает президента России. Более точно заявление Клинтона звучало следующим образом: «При демократии [сами] люди должны принимать окончательные решения по вопросам, находящимся в центре политических и социальных дебатов. Президент Ельцин сделал свой выбор, и я его поддерживаю полностью»⁶. Первое предложение явно не состыковывалось со вторым. В 1990 году «[сами] люди» избрали верховную законодательную ветвь власти, распускать которую президент был не вправе. Единоличное решение Ельцина о разгоне Верховного Совета и Съезда народных депутатов и о назначении новых парламентских выборов, «полностью» поддержанное Клинтонем, не имело ничего общего с демократией.

⁴ См. **Sciolino E.** Showdown in Moscow; U.S. Supports Move by Russian Leader To Break Deadlock // The New York Times. 22.09.1993. — www.nytimes.com/1993/09/22/world/showdown-in-moscow-us-supports-move-by-russian-leader-to-break-deadlock.html

⁵ См. **Talbott S.** The Russia Hand: A Memoir of Presidential Diplomacy. N. Y.: Random House, 2002. P. 86—91.

⁶ Wall Street Journal. 22.09.1993.

Позиция Клинтона явно контрастировала со значительно более взвешенной и уважительной политикой по отношению к России (и СССР) его предшественника — президента Джорджа Буша-ст. На протяжении всего своего президентства Дж. Буш и его советник по национальной безопасности Brent Scowcroft придерживались политики невмешательства, не давая себя втянуть в «парад суверенитетов» и нарастающий конфликт между Горбачевым и Ельциным (естественно, на стороне Ельцина), несмотря на все усилия тогдашнего министра обороны Дика Чейни и руководства ЦРУ⁷. Достаточно сказать, что Дж. Буш только на второй день осудил ГКЧП⁸.

Апеллирование Клинтона к апрельскому (1993 года) референдуму «да-да-нет-да», якобы давшему Ельцину «моральное право» распустить парламент⁹, также не выдерживает критики. Во-первых, согласно решению Конституционного суда РФ (а не по решению «легислатуры», как пишет Эрлангер¹⁰) результаты референдума сами по себе не давали оснований для фактического проведения досрочных выборов. Во-вторых, если американское руководство является горячим сторонником такой формы народного волеизъявления, как референдум, отчего же оно отказалось признать еще более внушительные результаты прошедшего в октябре 2004 года в Беларуси референдума, санкционировавшего выдвижение столь нелюбимого Вашингтоном А. Лукашенко на третий срок? Наконец, разве не поддержали США Ельцина еще во время его первой попытки распустить парламент и ввести «особый порядок управления в стране» в марте 1993 года, за месяц до референдума?

Разве не было выражено отношение правящей элиты США к первой попытке конституционного переворота в России в заголовке передовицы в «Нью-Йорк таймс» от 22 марта 1993-го: «На баррикады с г-ном Ельциным»?¹¹ Как пошутил советник президента по национальной безопасности Энтони Лейк, сравнивая сентябрьский кризис в России с мартовским, это был «“День сурка” только хуже»¹².

⁷ См. **Stoner-Weiss K., McFaul M.** Domestic and International Influences on the Collapse of the Soviet Union (1991) and Russia's Initial Transition to Democracy (1993) // Center on Democracy Development, and the Rule of Law (CDDRL). Working Papers. 2009. № 108. P. 32. — http://cddrl.fsi.stanford.edu/publications/domestic_and_international_influences_on_the_collapse_of_the_soviet_union_1991_and_russia_initial_transition_to_democracy_1993

⁸ Как президент Дж. Буш сам образно писал в своем дневнике еще в марте 1991-го, «я считаю, что танцевать надо с теми, кто находится на танцполе; вы не стараетесь повлиять на смену [танцующих], тем более не предпринимаете действий, которые могут однозначно выглядеть как поощряющие дестабилизацию» (**Bush G. H. W., Scowcroft B.** A World Transformed. N. Y.: Alfred A. Knopf, 1998. P. 500).

⁹ См. Russia: A Democrat's Coup // The New York Times. 22.09.1993. — www.nytimes.com/1993/09/22/opinion/russia-a-democrat-s-coup.html

¹⁰ См. **Erlanger S.** Showdown in Moscow; Yeltsin's Gamble: Force the Issue Now // The New York Times. 22.09.1993.; RFE/RL Daily Report. 17.09.1993.

¹¹ To the Barricades with Mr. Yeltsin // The New York Times. 22.03.1993. — <http://query.nytimes.com/gst/fullpage.html?res=9F0CE0D61438F931A15750C0A965958260>

¹² Цит. no: **Talbott S.** The Russia Hand: A Memoir of Presidential Diplomacy. P. 86.

Сам Билл Клинтон пишет в своих мемуарах, что наблюдал речь Ельцина о введении ОПУС по одному из телевизоров, установленных в Овальном кабинете Белого дома. По другому в это же время транслировалась игра в баскетбол между университетскими командами из Нью-Йорка и Арканзаса, родного штата Клинтона. «В обоих случаях, — пишет экс-президент, — были команды, за которые я болел»¹³. Очень образное сравнение...

Реформы Ельцина являются «инвестицией в национальную безопасность США»
(госсекретарь США Уоррен Кристофер. 22.09.1993)

22 сентября президент США и «другие официальные представители Белого дома» обратились к европейским лидерам с призывом сделать аналогичные заявления в поддержку Ельцина. Клинтон лично связался с канцлером ФРГ Гельмутом Колем, чтобы пересказать ему содержание разговора с президентом РФ.

По словам Клинтона, он «почти со вздохом облегчения» воспринял обещание Ельцина провести в декабре новые «свободные и справедливые» выборы «во имя демократии» и «обеспечить этой осенью мир, стабильность и открытый политический процесс». Отказываясь признавать издание указа № 1400 антиконституционным переворотом, Клинтон заявил, что, напротив, действия Ельцина «подчеркивают сложность процесса реформ, которые он проводит», и сами вызваны «конституционным кризисом, который достиг критической остроты и парализовал политический процесс» в России. Ельцин в глазах Клинтона и членов его администрации представал «лучшей надеждой на демократию» в России, «своего рода российским Шарлем де Голлем, прибегающим к авторитарным полномочиям для спасения страны из хаоса».

Клинтону вторили его коллеги по партии. Лидер демократов в сенате, избранный в ноябре 2008-го вице-президентом США, Джозеф Байден со всей ковбойской прямолинейностью назвал президента России «единственной лошадкой, на которой [нам] можно ехать»¹⁴. Опытный юрист-практик, выпускник престижной Стэнфордской школы права госсекретарь США Уоррен Кристофер на встрече с представителями американских СМИ со словами «я не намерен вдаваться в дискуссию о конституционных и правовых вопросах России» отказался отвечать на вопрос «Выходят ли действия г-на Ельцина за пределы его властных полномочий?». Однако предельно откровенно заявил, что реформы Ельцина являются «*инвестицией в национальную безопасность Соединенных Штатов* (курсив мой. — А. Д.)». В этом все дело! А если мы сопоставим заявление Кристофера со словами общавшего-

¹³ Clinton B. My Life. N. Y.: Alfred A. Knopf, 2004. P. 506.

¹⁴ См. Talbott S. The Russia Hand: A Memoir of Presidential Diplomacy. P. 59.

ся с репортером «Нью-Йорк таймс» на условиях анонимности 21 сентября высокопоставленного лица администрации США (может быть, Тэлботта?) о том, что в ходе телефонного разговора Ельцин дважды заверил Клинтона в своих намерениях «ускорить темп реформ», то становится еще более очевидным, что президенту России «вашингтонским обкомом» был фактически предоставлен карт-бланш. Указ № 1400 стал крупной «инвестицией в национальную безопасность Соединенных Штатов».

В целом слово «инвестиция» в политическом лексиконе президента Клинтона и его администрации было одним из наиболее часто употребляемых. Еще накануне его первой встречи с Ельциным на саммите в Ванкувере в апреле 1993-го Клинтон в своей речи «Стратегический альянс с российскими реформами» (именно с «реформами», а не с Россией!) использовал слово «инвестиции» 20 раз. Какие именно «инвестиции»? Президент предельно откровенно заявил, что необходимость щедрой финансовой поддержки «реформаторов» в России вызвана не тем, что США — «благотворительная организация, но потому что это мудрая инвестиция... Несмотря на то, что наши усилия будут предполагать новые расходы, мы сможем сорвать значительно большие дивиденды за нашу безопасность и наше процветание... Реформы в России важны для нас, поскольку они являются одним из ключей для инвестирования в наше собственное будущее... Мы должны сконцентрироваться на тех инвестициях в Россию, которые укрепляют нашу собственную безопасность». Закончил Клинтон свою речь словами: «Возможность, которая предоставлена нашей нации сегодня, является ответом на смелый вызов российских реформ — *как выражение нашей собственной ценности, как инвестиции в собственную безопасность и процветание, [и] в качестве демонстрации наших целей в новом мире* (курсив мой. — А. Д.)»¹⁵.

А 21 сентября 1993-го все тот же анонимный источник сделал еще одно исключительно любопытное признание, фактически являющееся ответом на вопрос, знала ли администрация США о готовящемся конституционном перевороте в России. По его словам, еще 13 сентября, то есть за восемь дней до обнародования Ельциным пресловутого указа № 1400, находившийся в Вашингтоне при подписании израильско-палестинского мирного соглашения «дорогой Андрей» Козырев отозвал в сторону своего американского визави госсекретаря Уоррена Кристофера и предупредил его о «драматических событиях», которые «скоро» должны были произойти. «Ясно», что «Козырев старался дать госсекретарю сигнал», писала «Нью-Йорк таймс».

«Уолл-стрит джорнэл» сделал важное уточнение: Козырев не только информировал американцев о планах президента РФ, но и призвал пра-

¹⁵ Clinton B. A Strategic Alliance with Russian Reform. 01.04.1993 // US Department of State Dispatch. 1993. Vol. 4. № 13 (05.04.1993). P. 189—194. — www.accessmylibrary.com/article-1G1-13784426/strategic-alliance-russian-reform.html

вительство США оказать ему необходимую поддержку¹⁶. Доверительное сообщение Козырева было, несомненно, доведено до Клинтона, и санкция была получена.

Приведенные заявления представителей Белого дома документально подтверждают заключение ряда наблюдателей, в том числе автора этих строк, о том, что Ельцин и его окружение часто (или даже, как правило) информировали администрацию Клинтона о подготовке наиболее важных внутривластных событий и решений в Москве. Происходило это по крайней мере до перевыборов Ельцина на второй президентский срок и до осложнения отношений между РФ и США из-за агрессии НАТО на Балканах.

Дмитрий Саймс (Симис) делает еще более сильное заявление. По его словам, «без особых размышлений» администрация Клинтона начала давать «мгновенные советы, часто больше похожие на откровенное давление на правительство Ельцина, относительно того, как Россия должна проводить экономические реформы, — и даже в отношении того, какие именно люди подойдут для этой работы». «Духовный отец реформаторов» Тэлботт играл при этом роль «проконсула Стробра», как называли его в российском МИД¹⁷.

Отставка Коржакова, Барсукова и Сосковца в июне 1996-го, например, не была спонтанным и неожиданным шагом непредсказуемого президента РФ. Согласно Тэлботту, «Ельцин снял Коржакова после намека, сделанного им (Ельциным. — А. Д.) в ходе телефонного разговора с Клинтонем за месяц до события»¹⁸. Не соответствует действительности и официальная версия о том, что в январе 1994 года Егор Гайдар и Борис Федоров «подали в отставку» — такая информация содержится, например, в справочнике «Федеральная элита. Кто есть кто в политике и экономике» (М.: Центр политической информации, 1999). О своем намерении уволить этих реформаторов «в розовых штанишках» Ельцин сообщил Клинтону еще «накануне». Несмотря на попытку зам. министра финансов и ближайшего подельника «молодых реформаторов» в американской администрации Ларри Саммерса (впоследствии министра финансов и президента Гарвардского университета, со скандалом изгнанного из стен этого уважаемого заведения)¹⁹ через Тэлботта «передать

¹⁶ См. Wall Street Journal. 22.09.1993.

¹⁷ См. Simes D. After the Collapse: Russia Seeks Its Place as a Great Power. N. Y.: Simon & Schuster, 1999. P. 102–103.

¹⁸ Talbott S. The Russia Hand: A Memoir of Presidential Diplomacy. P. 209.

¹⁹ В отличие от его предшественников Дерека Бока и Нила Руденштейна, занимавших пост президента Гарвардского университета 20 и 10 лет (соответственно), Саммерс не продержался и пяти лет и был вынужден покинуть свою должность в результате вынесения ему вотума недоверия профессорско-преподавательским составом. Одной из причин провала Саммерса стала поддержка им своего протеже — советника Чубайса Андрея Шляйфера, замешанного (вместе с женой Нэнси Циммерман и своим подельником Джонатаном Хэем) в нашумевшем финансовом скандале, связанном с деятельностью в России Гарвардского института международного развития (подробнее см. McClintick D. How Harvard Lost Russia // Institutional Investor. 27.02.2006. — www.institutionalinvestor.com/Article/1020662/How-Harvard-lost-Russia.html).

Клинтону, чтобы он немедленно надавил на Ельцина оставить Гайдара и Федорова на их должностях»²⁰, президент США не стал размениваться на такой, как он считал, «второстепенный кадровый вопрос», и «реформаторы» вылетели из правительства.

Помимо официальных каналов связи между Москвой и Вашингтоном, важным источником политической информации для американского госдепартамента, как свидетельствуют мемуары Струба Тэлботта, служил «крот» в кремлевской администрации — помощник Ельцина по международным делам Д. Б. Рюриков, на дочери которого вторым браком был женат президент Центра Никсона Д. Саймс. По словам Тэлботта, запрятанным в набранные мелким шрифтом примечания в конце его книги, Рюриков через свою дочь организовывал утечки информации из Кремля Саймсу, а тот «передавал ее нам», то есть в госдеп. «Почему нам давалась возможность заглянуть за закрытые ворота Кремля, никогда не было вполне понятно», — неубедительно лукавит Тэлботт²¹. Экстраполируя на США эту совершенно нездоровую для любой нормальной государственной машины ситуацию, когда помощник одного президента по налаженному каналу через члена своей семьи передает служебную информацию в правительство другой страны, хочется спросить: а был бы сам Тэлботт утвержден на свою должность сенатом, если бы, скажем, его сын Эдриан был женат на дочери генерала КГБ? Абсурд! Но только не в «демократической» России времен «царя Бориса».

После прочтения мемуаров Тэлботта, в которых он, в частности, засвечивает Рюрикова, я долго не мог найти ответа на вопрос: зачем он это сделал? Или почему он так откровенен в признании, что долгие годы фактически давал указания, инструктировал Козырева? Конечно, никого не удивляет тот факт, что особую теплоту и симпатию как бывшего зам. госсекретаря, так и его шефа Уоррена Кристофера вызывал именно Андрей Козырев, называемый в мемуарах Тэлботта не иначе, как «архитектор независимости не только России, но и ее соседей» (Р. 166), человеком, «персонифицирующим радикальный разрыв России с ее прошлым» (Р. 160), чья отставка в конечном итоге была вызвана тем, что «его видение страны совпадало с нашим собственным» (Р. 189). Козырев трогательно плачется в жилетку Тэлботта: «Я долго не продержусь. Я устал быть единственным голосом, устал быть единственным человеком в окружении Ельцина, который защищает такие позиции, которые вы, американцы, признали бы приемлемыми» (Р. 178). Ну а поскольку Козырев и не скрывает, что его взгляды на Россию и ее внешнюю политику совпадают с госдеповскими, то Тэлботт позволяет себе открыто инструктировать министра РФ. «Андрей, — сказал я, — отправляйтесь домой и примените свою магию на своем боссе (Ельцине. — А. Д.), чтобы он и Леннарт Мери (президент Эстонии. — А. Д.) решили эту проблему (о выводе российских войск из Эстонии. — А. Д.) раз и навсегда» (Р. 128). «Дорогой Андрей» послушно берет под козырек.

²⁰ Talbott S. The Russia Hand: A Memoir of Presidential Diplomacy. P. 117.

²¹ Ibid. P. 448.

Думаю, что хотя бы в какой-то мере ответ на эти вопросы заключается в том, что американцы не любят «шестерок»²². (Да и кто их любит?) И вот уже Тэлботт начинает подтрунивать и издеваться над Козыревым, который умоляет госсекретаря США Уоррена Кристофера в апреле 1996 года в Нью-Йорке организовать ему совместную фотосессию с Клинтонем в Овальном кабинете Белого дома, что, по мнению Козырева, должно было укрепить его положение в глазах Ельцина: Клинтон-де меня ценит и не даст в обиду. «По поручению Криса (Кристофера. — А. Д.) я вылетел в Нью-Йорк для того, чтобы попытаться убедить Козырева в том, что его просьба просто смешотворна», — пишет Тэлботт. И, подразнив, предлагает сделку: «Я сказал ему, что он увидит президента только и исключительно в том случае, если он подтвердит Крису план, который мы подготовили». План, о котором говорит Тэлботт, — это не что иное, как план расширения НАТО на восток, активнейшим сторонником которого был «Стрбович» (такой была кличка Тэлботта в студенческие годы), несмотря на первоначальные возражения Пентагона и прохладное отношение со стороны Уоррена Кристофера. Козырев «согласился, прибыл в Вашингтон, сказал все правильные слова Крису и заработал короткую поездку на лимузине на Пенсильвания-авеню, 1600 для встречи с Клинтонем» (Р. 157).

Но, как мне представляется, есть еще одно объяснение «засветки» Рюрикова в мемуарах Тэлботта. Разгадка, видимо, заключается в том, что в своей книге Д. Саймс называет Игоря Малашенко ближайшим пособником Тэлботта в ближнем круге Ельцина и координатором активного вмешательства администрации Клинтоня в ходе президентской избирательной кампании 1996 года в России (непосредственно о президентских выборах в РФ 1996 года см. ниже). По сути, Тэлботт в своих мемуарах сводит счеты с Саймсом за это заявление и наносит ответный удар, обвиняя Рюрикова и самого Саймса в сливании закрытой информации о происходящем «за закрытыми воротами Кремля» в госдеп. Подленькие мемуары получились.

И не только в этом эпизоде. Вспоминается такой случай. На излете своей дипломатической карьеры в конце второго президентского срока Клинтоня и, видимо, не веря в победу на президентских выборах 2000 года демократа Гора, «Стрбович» объехал ведущие академические центры США в поисках места для мягкой посадки после ухода в отставку. (В конечном итоге он сначала получил предложение создать и возгла-

²² Как пишет итальянский исследователь Джузеппе Боффа, «все знали, что Козырев — это абсолютное ничтожество, один из самых посредственных министров, которые когда-либо появлялись на международных подмостках за последние десятилетия, включая и весь исторический путь, пройденный российской дипломатией» (цит. по: Рубби А. Ельциниада. Первое десятилетие постсоветской России. М.: Международные отношения, 2004. С. 235—236). Однако сложно согласиться с Антонио Рубби, который говорит, что «трудно понять, почему американцы с таким упорством вцепились в Козырева и навязывали его Ельцину всякий раз, когда Дума или СМИ требовали отправить его в отставку» (Там же. С. 236). Это понять как раз очень просто! Итальянский автор несколько идеалистично представляет себе «вашингтонский обком», если он действительно считает, что «американцы всегда предпочитают вести дела с серьезным и надежным собеседником» (Там же).

вить Центр изучения проблем глобализма при Йельском университете, а затем занял должность президента The Brookings Institution в Вашингтоне.) В феврале 2000-го Тэлботт был с помпой принят на юридическом факультете Нью-Йоркского университета, где я в то время преподавал. Представленный Тэлботту деканом Школы права (ныне — президентом всего университета) Джоном Секстоном как первый за историю факультета приглашенный профессор права из России, я не мог не доставить себе такого удовольствия и не обратить внимание заместителя госсекретаря на то, что в 1990—1993 годах работал ведущим, а затем главным специалистом Комитета по международным делам Верховного Совета России. «Если Вы полагаете, что первый российский парламент действительно был “бандой коммунистов и фашистов”, то я из их числа». «Я никогда не говорил о фашистах в Верховном Совете», — холодно произнес Тэлботт и демонстративно отвернулся, давая всем своим видом понять декану факультета, что его выбор русского приглашенного профессора был не самым удачным.

Признаюсь: первое, что я сделал после выхода мемуаров Тэлботта, — открыл страницы, посвященные Верховному Совету. И что мы видим? Многочисленные упоминания «красных» и «коричневых» в Верховном Совете, блокировавших в начале 1990-х ельцинские «реформы» по рецептам американских советников и МВФ. Как же так, г-н Тэлботт? Что «фашисты», что «коричневые» — разницы никакой! Даже Клинтон не позволяет себе такого в своих мемуарах и в худшем случае называет оппонентов Ельцина (почему-то в «Думе, парламенте России») «реакционными элементами» или «старыми коммунистами и прочими реакционерами»²³. (А преподавать в Нью-Йоркском университете меня, кстати, больше не приглашали.)

«Удержание Ельциным России на прозападном курсе» является «императивом... для наших собственных интересов»

(из выступления в палате представителей конгрессмена Стени Хойера. 22.09.1993)

Во второй половине дня 21 сентября Кристофер проинформировал американских конгрессменов о событиях в Москве и призвал их «удвоить усилия по принятию амбициозного пакета помощи» «реформаторам» в России и республиках СНГ размером в 2,5 миллиарда долларов; 1,8 миллиарда из них предназначались России! «Я думаю, что причины (такого шага. — А. Д.) еще более веские сейчас, чем они были раньше», — заявил Кристофер²⁴. 29 сентября палата представителей 321 голосом против 108 приняла пакет помощи «реформаторам». Голосование в сенате 30 сентября, в последний день финансового года, было еще более

²³ См. Clinton B. My Life. P. 503—506, 549.

²⁴ Wall Street Journal. 22.09.1993.

единодушным: пакет был поддержан 87 сенаторами против 11. Тем же вечером финансовый закон был подписан Клинтонем. Впрочем, как пишет Сциолино, у конгресса США и без слов Кристофера не было намерения «наказать г-на Ельцина, приостановив предоставление американской помощи»²⁵.

Конституционный переворот в России был горячо поддержан не только президентом США, но подавляющим большинством голосов в обеих палатах конгресса. 22 сентября 1993 года, то есть уже на следующий день после издания указа № 1400, конгрессмен от штата Мэриленд Стени Хойер, занимавший в то время четвертое по значимости положение среди конгрессменов-демократов, выступил с показательной речью в палате представителей. Признавая, что указ о роспуске российского парламента был «технически... незаконным», Хойер утверждал, что Ельцин «действовал, следуя духу демократии, нарушая букву закона». Однако «основная причина продолжающейся западной поддержки Ельцина» в его противостоянии с законодательной властью, согласно конгрессмену, заключалась даже не в якобы демократическом характере ельцинского режима, но в том, что *«Ельцин является откровенно проамериканским, прозападным, профрыночным»* политиком, тогда как Верховный Совет «обвиняет Запад в стремлении подорвать и ослабить Россию» и «выступает против ельцинской программы приватизации». Таким образом, резюмировал Хойер, «проведение необходимых реформ» правительством Ельцина и *«удержание им России на прозападном курсе»* является *«императивом... для наших собственных интересов* (курсив мой. — А. Д.)».

Конгрессмен-демократ от Калифорнии и один из главных русофобов на Капитолийском холме Том Лантос заявил о своем желании «пожелать удачи Борису Ельцину». Почему? Потому что «первый за 1000 лет русской истории демократически избранный президент сейчас ведет борьбу против сил тьмы, зла и тоталитаризма, стремящихся повернуть вспять часы истории»²⁶. В тот же день, 22 сентября, сенатор-демократ от штата Род-Айленд Клэборн Пелл приветствовал «быструю, недвусмысленную поддержку администрацией Клинтона действий президента Ельцина по консолидации демократических реформ в России» и призвал сенат проголосовать за выделение пакета «помощи», для того чтобы «продемонстрировать реформаторам, что мы на их стороне».

Ельцин распустил парламент? Не страшно! Ведь у него «длинный послужной список приверженности демократическим принципам», как заявил 23 сентября еще один видный конгрессмен-республиканец от штата Нью-Йорк Джеральд Соломон. Ельцин призвал к быстрому проведению выборов, а потому парламент был распущен ради «усиления, а не ликвидации парламентской демократии в России».

²⁵ Sciolino E. Showdown in Moscow; U.S. Supports Move by Russian Leader To Break Deadlock.

²⁶ 139 Congressional Record H6851-07.1993.

26 октября 1993 года все тот же конгрессмен Соломон направил официальное обращение президенту Клинтону, в котором прогнозировал, что предстоящие выборы в России «приведут к образованию первого действительно представительного парламента в истории России», который «почти наверняка» будет «значительно более демократическим и дружественным по отношению к Западу, чем только что распущенный Верховный Совет». Далее следовал призыв объявить предстоящие выборы в России одним из «*основных приоритетов внешней политики США*» (курсив мой. — А. Д.) и предоставить «как можно больше помощи демократическим кандидатам в России»²⁷. Один из прогнозов конгрессмена все же сбылся: в декабре 1993 года в России был-таки избран «действительно представительный парламента», но без большинства столь любезных Соломону сердцу «реформаторов».

Обстоятельства принятия пакета «помощи» Ельцину дают достаточные основания усомниться в искренности заверений высокопоставленных должностных лиц США о том, что после окончания «холодной войны» приоритетные цели американской внешней политики включали «*поддержку России* в трансформации ее политических, экономических и социальных институтов (курсив мой. — А. Д.)», если только «трансформация» в данном случае не означает разложение и разрушение. Кто мог всерьез воспринимать характеристику российско-американских отношений (в частности, отраженную в подписанной 14 января 1994 года Клинтоном и Ельциным Московской декларацией) как «новую стадию зрелого стратегического партнерства, основанного на равенстве, взаимной выгоде и признании национальных интересов друг друга»? В действительности в 1990-е годы основополагающим принципом внешней политики США являлась не поддержка России как таковой, а помощь «реформам» в России, являющимся, по оценке Главного контрольно-финансового управления США, «*критическими для целей США*» (курсив мой. — А. Д.)²⁸, не содействие демократизации России и ее движению к правовому государству, а конкретно «помощь российским реформаторам» — что отнюдь не одно и то же.

Американский канал CNN именно так определил цель визита в Москву Клинтонa 12–15 января 1994 года: «Продемонстрировать поддержку Ельцину и реформаторам, перенесшим потрясение в результате победы ультранационалистов и коммунистов на декабрьских выборах в парламента»²⁹. Визит президента одного государства для поддержки группы лиц в другой стране (даже когда эта группа находится

²⁷ Hon. Gerald B. H. Solomon. Elections in Russia (Extension of Remarks) // Congressional Record. 26.10.1993. E2534, E2536.

²⁸ См. Foreign Assistance. Harvard Institute for International Development's Work in Russia and Ukraine // Washington, U.S. General Accounting Office. November 1996. P. 2. — www.gao.gov/archive/1997/ns97027.pdf

²⁹ Recent Washington-Moscow Summits. — <http://edition.cnn.com/WORLD/europe/9808/30/summit.history/>

у власти) утрачивает характер «государственного» визита, приобретает характер сговора и является вмешательством во внутренние дела такой страны.

В то же время если обращение министра одной страны (А. Козырева) к экс-президенту другого государства (Р. Никсону) с просьбой о помощи в «формулировании/определении национальных интересов России»³⁰ еще можно рассматривать как чудачество «дорогого Андрея», то критика из уст Козырева в разговоре с тем же Никсоном в феврале 1993-го в адрес посла России в Вашингтоне В. П. Лукина как «некомпетентного» дипломата, не являющегося к тому же (о ужас!) «истинным другом Соединенных Штатов»³¹ (видимо, по сравнению с самим Козыревым, ныне проживающим в штате Флорида), выходит за рамки ябедничества представителю заморского «хозяина» и носит признаки предательства, когда западная перспектива признается «стратегически и морально» более значимой, чем российская.

К слову о «некомпетентности» или, цитируя указ № 1400, «неудовлетворяющем парламентским стандартам качестве работы Верховного Совета и Съезда народных депутатов РФ». (Так по-русски не говорят: «неудовлетворяющее стандартам... качество» — звучит словно плохой перевод с иностранного источника.) Не будем идеализировать оппонентов Ельцина в парламенте и за его пределами. Первая российская легислатура не была совершенной ни по своей структуре, ни по своему профессиональному составу. Хотя Съезд народных депутатов РФ был в два раза меньше союзного (1068 депутатов в первом случае и 2250 — во втором), во многом он сохранил черты митинга, а не эффективно работающего механизма. Что, впрочем, само по себе еще не давало основания для его роспуска.

Качество работы парламента и его аппарата не отвечало «парламентским стандартам»? Бывало и такое... Особенно в первый год-полтора после выборов. Но разве не Ельцин был тогда спикером? И отвечал ли он сам — на посту лидера законодательной, а позже исполнительной власти в стране — соответствующим «стандартам»? Был ли более компетентен? Сегодня эти вопросы представляются риторическими.

³⁰ **Simes D.** After the Collapse: Russia Seeks Its Place as a Great Power. P. 19, 212. Весной 1992 года Козырев следующим образом ответил на вопрос Никсона о национальных интересах России: «*В прошлом Россия страдала слишком сильным фокусированием на своих собственных интересах за счет остального мира* (курсив мой. — А.Д.; интересно, что именно имел в виду “дорогой Андрей”?). Теперь настало время для России думать больше в рамках универсальных человеческих ценностей. У России, может быть, есть особые интересы, но у российского правительства еще не было возможности сконцентрироваться на них». Вслед за этим последовало предложение Никсону, как «другу русской демократии», самому помочь сформулировать такие интересы. Пораженный Никсон, естественно, ответил отказом и холодно завершил беседу: «Россия не может и не должна следовать за Соединенными Штатами во всех внешнеполитических вопросах. У России как великой страны своя судьба. Мы хотим видеть Россию другом и мы очень ценим Ваше личное расположение, г-н министр. Но я знаю, что любой в России, кто будет пытаться слишком сильно следовать советам из-за границы, рано или поздно попадет в беду» (цит. по: *Ibid.* P. 19).

³¹ *Ibid.* P. 204.

Характерен эпизод первой встречи Ельцина с Никсоном в марте 1991-го, рассказанный много лет спустя Д. Саймсом. Предложив высокому гостю выпить (Никсон отказался), Ельцин огорошил его утверждением о том, что у них много общего, поскольку дед Никсона занимался бизнесом... в Екатеринбурге и мог знать деда Ельцина. «Может быть, мы даже родственники», — радостно продолжил российский президент. Когда Симис отвел в сторону присутствовавшего при встрече заместителя министра иностранных дел России Андрея Федорова и поинтересовался источником столь странной информации Ельцина, все, что мог ответить обескураженный зам. министра: «Убей меня, если я знаю!»³² Но ведь кто-то же из «компетентного» окружения Ельцина внушил ему этот бред!

В конечном итоге разве из-за неэффективности и пресловутого «неудовлетворяющего парламентским стандартам качества работы» была распущена и расстреляна законодательная власть в стране или из-за того, что сильный и независимый парламент был последней преградой на пути ельцинской клептократии и фундаменталистов-рыночников? ◆

(Окончание следует)

³² *Ibid.* P. 89.